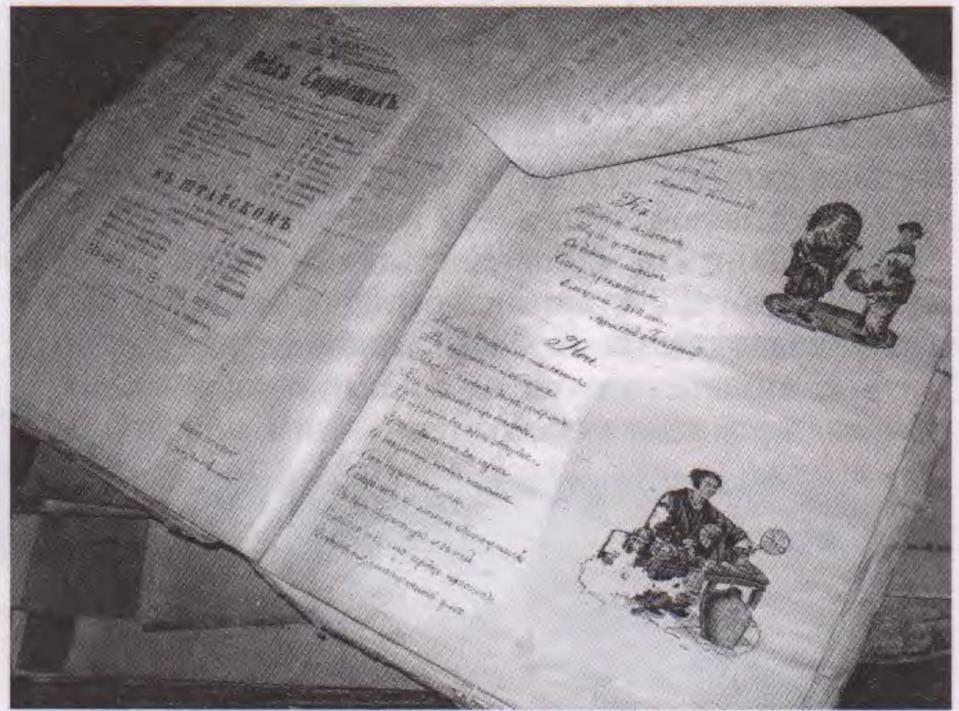

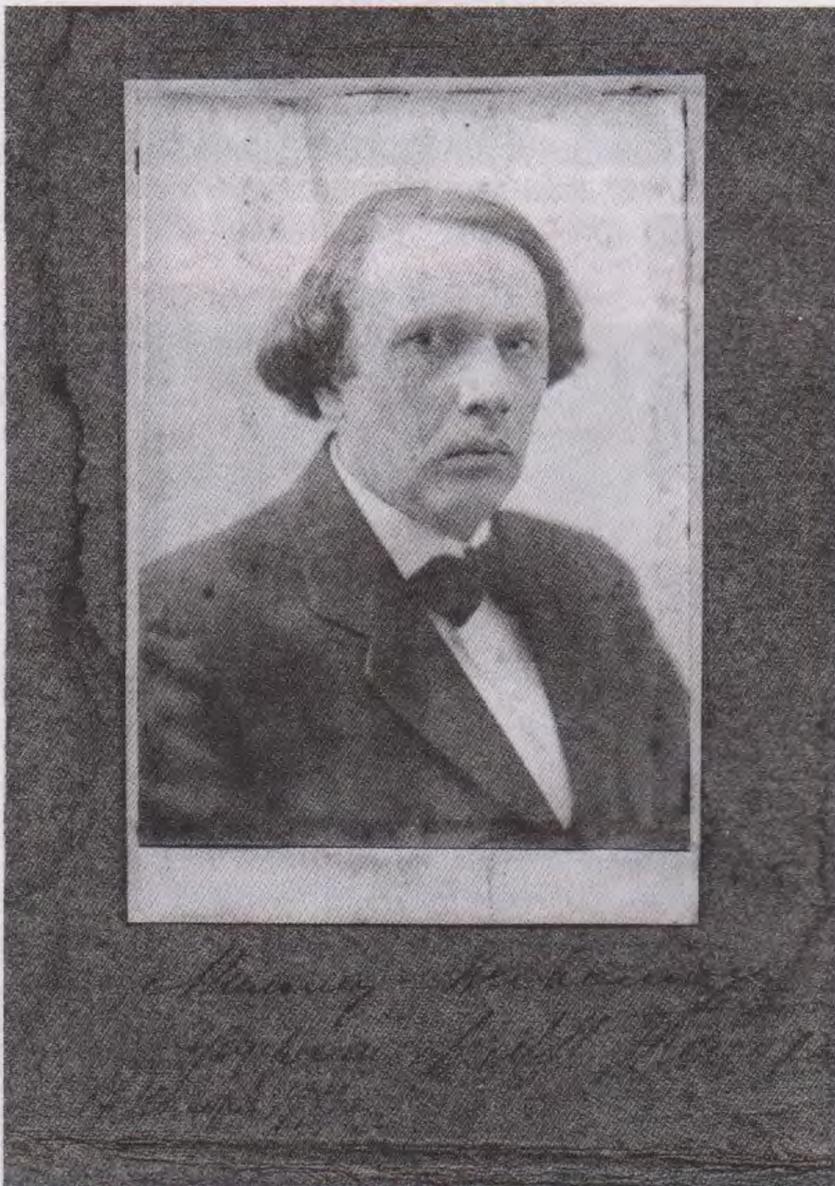
Андрей РИМСКИЙ-КОРСАКОВ родился в 1937 году в Москве. В годы Великой Отечественной войны и после неё жил в Северном Казахстане, в г. Петропавловске, куда эвакуировался вместе с родителями и где окончил среднюю школу, а затем Северо-Казахстанский механический техникум. По распределению работал в г. Соликамске (Пермской области). После службы в армии окончил Московский институт культуры, режиссёрский факультет (в 1965 году) и был направлен на работу в г. Южно-Сахалинск. Недолго работал актером в Сахалинском театре драмы им. Чехова, а затем – режиссёром Южно-Сахалинского телевидения. С 1968 года – режиссёр Центрального телевидения в Москве, где проработал около 45 лет в Московской редакции ТВ и в телекомпании «Авторское телевидение». Автор ряда очерков о деятелях русской истории и культуры, основанных на материалах семейного архива и опубликованных в газетах «Московский комсомолец», «Культура» и «Российские вести», а также вошедших в книгу «П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк. Переписка» (т. I, Челябинск, 2007).

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В СТАРОМ САРАЕ (МУСИНЫ-ПУШКИНЫ И А.Н. ТОЛСТОЙ)

Этой амбарной книге скоро стукнет 125 лет. Сохранилась она неплохо для своих лет, а оказалась в нашей семье вроде бы случайно, но, скорее, все же закономерно. Принадлежала она графу Всеволоду Юрьевичу Мусину-Пушкину, мужу нашей тети Аниты (Анны Павловны, ур. Воскресенской). О дяде Всеволоде из литературы известно только то, что он был драматургом, писал стихи и, главное, был дру-

Амбарная книга со стихами А.Толстого. 1898

А.Н.Толстой. Москва. 1912

гом юности «красного графа» А.Н. Толстого – они вместе учились в реальном училище в Сызрани и даже сидели за одной партой. Известно также, что позднее Всеволод многое сделал для преодоления юридических барьеров на пути к браку Толстого с Наталией Крандиевской и даже был шафером на их свадьбе. От тех времен сохранилась у нас полувыцветшая фотография писателя с дарственной надписью: «Милому Всеволоду дружески гр. А.Н. Толстой, 17 ноября 1912 г.».

В дневниках и письмах Толстого непременно можно найти несколько строк о семействе Мусиных-Пушкиных, о четырех братьях – Борисе, Михаиле, Александре и Всеволоде и об увлечении в этой семье театром. Особенно это относится к Всеволоду. Сам он так писал об этом:

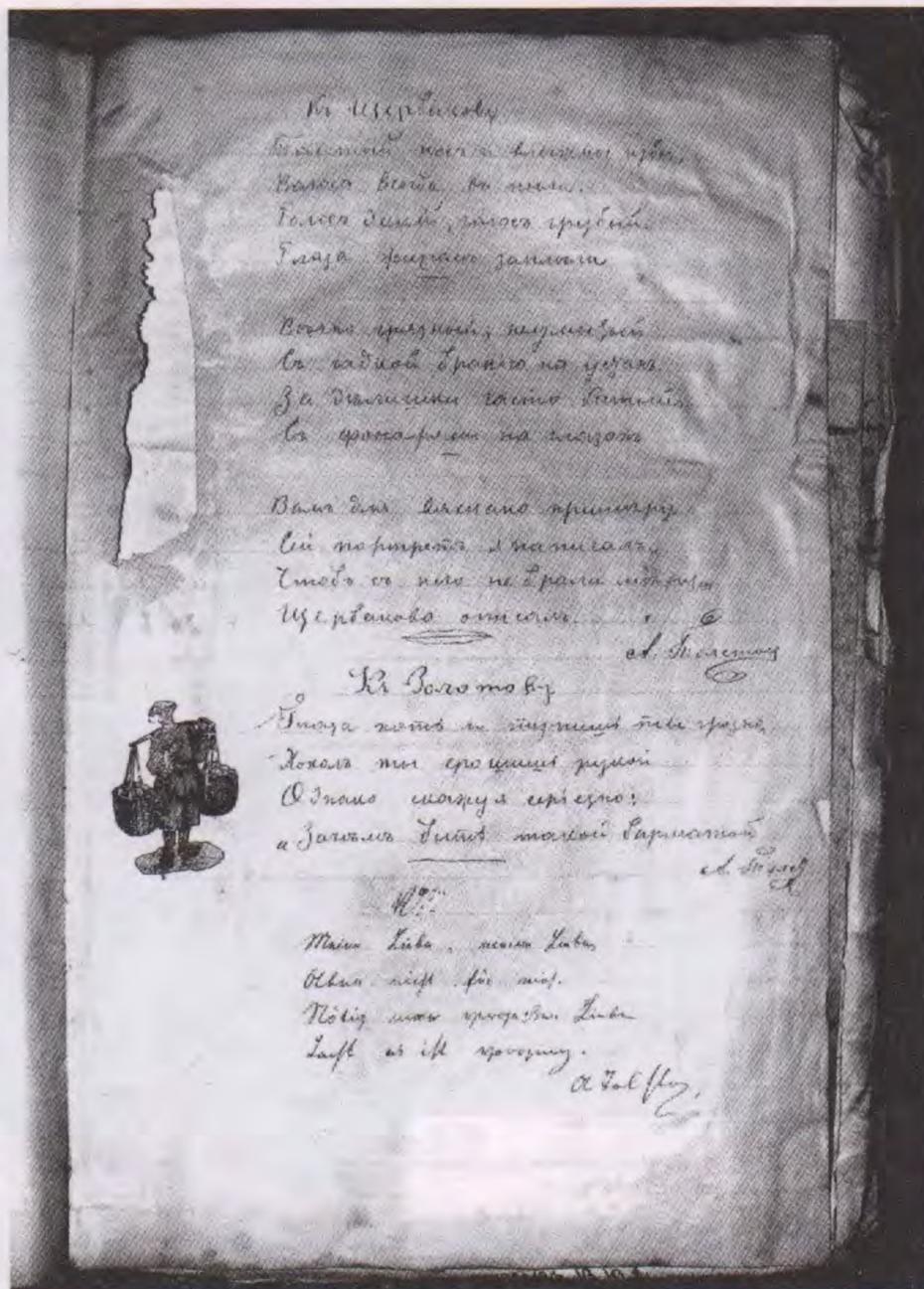
«Я родился в 1885 году в полуактерской семье, вернее, в семье, зараженной театром. С самого раннего детства я слышал разговоры о театре, и одним из первых ярких впечатлений моих был спектакль

в сельской школе, который устраивала моя мать (она была сельской учительницей). В нашей семье все играли на сцене: одни были профессиональными актерами, другие любителями... Едва научившись писать, я начал сочинять сцены, которые разыгрывал со своим младшим братом Александром. У нас часто устраивались домашние спектакли, особенно во время моего учения в реальном училище, когда около нас организовалась целая труппа талантливых любителей. Наибольшим успехом пользовался мой товарищ по реальному – Алексей Николаевич Толстой...».

Детство и юность Всеволода Юрьевича прошли в имении родителей в селе Золино (Зеленовка), в то время Сызранского уезда. Приобретено оно было бабушкой Всеволода, Елизаветой Васильевной Мусиной-Пушкиной, чье имя, как известно, связано с биографией И.А. Гончарова, автора бессмертного «Обломова», – литературоведы утверждают, что она стала прототипом героини романа Ольги Ильинской. Имения этого, как и села, давно не существует.

В зрелые годы, уже будучи студентом Горного института в Петербурге, неизменно, почти каждый день, посещал Всеволод премьеры самых разных столичных театров. Чтобы сохранить программки всех виденных спектаклей, он нашел свою старую сызранскую исписанную амбарную книгу и стал аккуратно вклеивать их в нее. Неизвестно, почему нельзя было завести новую тетрадку – ведь не было, думается, с бумагой напряженки в старой России? Как бы то ни было, таких программ к 1910 году у него накопилось много, и своеобразная книга-альбом вскоре заполнилась ими. Хранилась она в московском доме Всеволода Юрьевича по адресу: Кривоникольский переулок, дом 3¹. В этом доме он и скончался в 1939 году. Когда и вдова его, теть Ани-та, ушла из жизни в 1957 году, весь архив этой семьи был перемещен в дом нашей тети Шуры, сестры тети Аниты. Папки с бумагами Мусиных-Пушкиных были сложены во дворе, в стареньком сарайчике для угля и дров. Как говорится, до лучших времен...

Этот дом в старом дачном районе Москвы под странным названием «Соломенная сторожка» просуществовал там до 1975 года, когда и был снесен. Разбирая перед переездом вещи, автор этих строк добрался и до сарайчика. Папки архива Мусина-Пушкина так и лежали там – в угольной пыли,

Стихи Алексея Толстого в альбоме 1898 г.

под протекающей полусгнившей крышей и продуваемые ветрами через дощатые стены. Хозяйке дома, старенькой тете Шуре, было не до каких-то полуистлевших бумаг, а нам, молодежи – племянникам, поселившимся здесь, – и вовсе было не до старого дряхлого сарая, который давно стал местом, куда сбрасывалось все ненужное и отработанное в хозяйстве...

Папки эти я решил сохранить, опять же «до лучших времен». И вот только совсем недавно полусгнившие тесемки на старых папках были развязаны, и стало возможным разобраться со всей этой «макулатурой». Среди старых черновиков, рукописей пьес и разных деловых бумаг нашлась здесь и та самая амбарная книга. Передняя обложка на ней уже была вся сгнившая, пришлось ее акку-

ратно отделить и выбросить. Остальные страницы, с программками, вроде бы были целы. Я удивлялся – сколько же всего интересного повидал дядя Всева в свое время! Сколько давно забытых пьес и авторов! А какие артисты! Тут и В. Комиссаржевская, и Качалов, и Станиславский!

Но вот, полистав страницы с наклеенными театральными программками и приподняв одну из них, из-под которой проглядывал какой-то рукописный текст, я увидел написанные ореховыми чернилами, какие использовались в 19-м веке, какие-то стихотворные строки. Я приподнял еще несколько программ, и на одном из листов увидел... четверостишие с четкой подписью – «А. Толстой», и дата – 6 марта 1898 г., то есть год, когда будущий писатель пребывал в Сызрани и там же учился в реальном. Об этом факте его биографии я, конечно, знал, как и то, в каких отношениях были они с Всевой Мусиным-Пушкиным. Эта амбарная книга, видимо, предназначалась для записи товарищами Всеволода своих стихотворных упражнений. Здесь оказались строки и его самого, и брата Саши. Отдельные страницы украшены переводными японскими картинками. Конечно, стихами назвать это было бы слишком. Это были жалкие попытки что-то срифмовать, часто без соблюдения ритма и прочих премудростей стихоплетения. О грамотности авторов и говорить нечего. Такими же были и пробы Алеши Толстого. Лучше всего ему удавались злые эпиграммы на своих соучеников-товарищей и даже на девушек – грубоватые и часто просто уничижительные. Вот немало из того, что удалось прочитать:

К Щербакову

Толстый нос и влажны губы,
Волосы всегда в пыли.
Голос дикий, голос грубый,
Глаза жиром заплыли.
Вечно грязный, полумытый
С гадкой бранью на устах.
За делишки часто битый,
С фонарями на глазах.

К Сысоеву

Длинный, черный и кудластый,
Панталоны до колен.
Все решения подвластны
Всех знакомых теорем.
Губы красны, руки-плети,
Прекорявый длинный нос.
Если с боку посмотри –
На кривой похож вопрос.
Вот в таком духе большинство этих «опусов»
13-15-летних реалистов. Было там, впрочем, и что-то
похожее на лирику. Вот, например, тоже за под-
писью Толстого:

В тишине лазурной неба
Тают тихо облака,
Снизу солнца отраженьем
Освещенные слегка.
Над болотом пар дымится,
Филин жалобно кричит,
Ручеек в камнях струится,
А в лесу топор стучит.

*«Реалисты» Борис (слева) и Всеволод
Мусины-Пушкины. Сызрань, 1890-е*

Борис Юрьевич Мусин-Пушкин. США, 1916

Всеволод Юрьевич Мусин-Пушкин. Москва, 1927